

Оставалась только одна посылка. Гарри взял ее в руки и пощупал. Она была очень легкой. Он развернул её.

Что-то жидкое и серебристо-серое сползло на пол и легло сверкающими складками. Рон задохнулся.

Я слышал об этом", - сказал он тихим голосом, уронив коробку с бобами "Каждый вкус", которую он получил от Гермионы. "Если это то, о чём я думаю, то они очень редкие и очень ценные".

"Что это?"

Гарри поднял с пола блестящую серебристую ткань. На ощупь она была странной, словно вода, вплетённая в материал.

"Это плащ-невидимка", - сказал Рон с выражением благоговения на лице. "Я уверен, что это так - примерь его".

Гарри накинул плащ на плечи, и Рон вскрикнул.

"Да! Посмотри вниз!"

Гарри посмотрел вниз, на свои ноги, но их не было. Он бросился к зеркалу. В зеркале отражалась его голова, висящая в воздухе, и совершенно невидимое тело.

Он натянул плащ на голову, и его отражение исчезло совсем.

Я открываю на закрытии

Чёрный камень с неровной трещиной, проходящей по центру, лежал на двух половинках снитча. Камень Воскрешения треснул по вертикальной линии, изображающей Бузинную палочку. Треугольник и круг, изображающие Мантию и камень, были по-прежнему различимы.

И снова Гарри всё понял, не задумываясь. Неважно, что он собирался вернуть их, ведь он собирался присоединиться к ним. На самом деле не он их привозил, а они его.

"Значит, всё сводится к этому, не так ли?" - прошептал Гарри. "Знает ли палочка в твоей руке, что её последний хозяин был Обезоружен? Потому что если да... то я - истинный хозяин Бузинной палочки".

Он хотел только отдохнуть. После прошедшего дня, недели и года ему больше ничего не

хотелось. Но они были там, когда ноги инстинктивно принесли его в общую спальню, куда он не ступал со дня смерти наставника; три предмета, которые он разделил и переместил в надежде, что они больше никогда не будут использованы в корыстных целях, лежали на красно-золотом покрывале, словно были созданы для этого.

Рука, неуверенная в своих силах, потянулась к ним, но в последний момент отдернулась, словно испугавшись, что они могут сгореть. Камень, палочка и плащ не обладали ни собственным разумом, ни какой-либо иной самостоятельностью, они не могли попасть сюда без чьей-либо помощи. Но кто был рядом, чтобы увидеть, как он бросил камень в том месте в лесу, которое не помнит даже он сам? Кто видел, как он засовывает палочку обратно в холодную хватку мертвого директора или как убирает плащ в расшитую бисером сумку на временное хранение? Никого, подумал он. И даже если бы кто-то присутствовал при этих трёх действиях, зачем бы он стал возвращать их ему? Почему бы не присвоить эти три несомненно могущественных предмета себе?

Гарри устало выдохнул и, окончательно избавившись от необъяснимой настороженности, взял в руки три Дара. Возможно, его поспешный план выбросить камень и вернуть палочку был не самым разумным, но тот, кто вернул их, дал ему второй шанс убедиться в том, что они находятся в безопасности и вдали от посторонних глаз.

Палочка отправилась в задний карман, а плащ - на плечо. Выйти из замка было бы легче, если бы его не толпили обожающие волшебники и ведьмы, желающие пожать ему руку, поцеловать своих малышей, поблагодарить и сказать, что они никогда не сомневались в нём, хотя на самом деле все до единого были в отчаянии от того, что только семнадцатилетний выпускник Хогвартса стоял между ними и Тёмным Лордом. Не то чтобы он не ценил их благодарность - ценил, но он надеялся, что после войны сможет просто раствориться на заднем плане, надеялся, что сможет наконец стать Гарри, нормальным, скучным, обычным Гарри. Это была глупая надежда, но он не мог заставить себя остановиться.

Воскресительный камень ещё мгновение оставался в его руках, без всякого умысла перелистываясь между пальцами. Ремус был мёртв, Тонкс была мертва, Фред был мёртв. Список был длинным и опустошающим, но Гарри не испытывал никакого желания обращаться к кому-либо из них. Их смерть была уродливой, жестокой, ненужной, и самое меньшее, что он мог сделать, - это оставить их в покое загробной жизни.

В конце концов Камень присоединился к своему собрату Халлоу в заднем кармане, тесновато и совсем ненадёжно, но для дела сойдёт. Ему понадобилась обувь, желательно с носками, которые он небрежно отбросил в своем стремлении зарыться под пыльные простыни. Набитый матрас его кровати с четырьмя столбиками и плотные шторы, закрывавшие даже воспоминание о солнечном свете, были роскошью, отсутствие которой он ощущал каждую ночь, проведенную на узких, скудных раскладушках, которые палатка, которую они называли своим домом уже большую часть года, могла предложить. Роскошь, которую он с нетерпением ждал, чтобы вернуть себе.

Его левый ботинок был зажат между изголовьем и стеной, Мерлин знает, как он туда попал, а второй запутался в бархатных занавесках, висевших лишь частично открытыми по краям его четырехместной кровати. Носки, к сожалению, были совсем другим делом, эти чертовы штуки

могли бы с тем же успехом подняться и прорастить свои собственные маленькие ножки, если бы ему так повезло с их поиском.

"Надо было засунуть их в ботинки", - пробормотал Гарри, засунув голову под кровать. В замкнутом пространстве не было видно ни черта, но, возможно, он мог бы их понюхать - он не мог вспомнить, когда в последний раз что-нибудь из его одежды было как следует выстирано. Он выругался, когда при особенно глубоком вдохе ему в нос попал большой комок пыли. "Ах, черт. Где же эти чертовы вещи?"

Общежитие должно было быть пустым, Гарри разговаривал только с самим собой и своими неуловимыми носками, не ожидая никакого ответа. Поэтому, когда его слова были встречены низким, почти жутким бормотанием, он удивлённо отпрянул назад, что оказалось неудачным решением, так как его голова всё ещё была зарыта под кроватью и соприкоснулась с массивными деревянными рейками, на которых всё это держалось.

"Черт!" Он неуклюже выбрался из-под деревянного чудовища и оглядел комнату слезящимися глазами. Она была пуста, как он и думал все это время, но он что-то слышал, он все еще что-то слышал. Какое-то бормотание, почти беззвучное и неразличимое, но несомненно присутствующее.

"Кто здесь? В твоих интересах перестать прятаться, я только что закончил войну, я могу и буду проклинать тебя, если ты меня напугаешь, и мне потом не будет жалко".

Гарри наклонил голову и прислушался: шёпот, бормотание, что бы это ни было, не изменились в тоне, оставаясь всё тем же раздражающе тихим, заставляющим его уши напрягаться, чтобы уловить произносимые слова. Если бы он не знал ничего лучше, то подумал бы, что тихие голоса - это шипение ещё одного чудовищного существа, затаившегося в стенах Хогвартса.

"Хоменум Ревелио". Заклинание пронеслось по общежитию и прилегающей к нему уборной, но ничего не дало - в комнате он был один.

"Гарри?"

Зеленоглазый гриффиндорец удивленно вскрикнул и приподнялся на носочках. "Джордж? Что?" Он предательски посмотрел на палочку в своей руке: может быть, Бузинная палочка не так уж хорошо её починила, если она не может сделать элементарное заклинание хоменум ревелио.

"Они не перестают плакать".

Гарри нахмурился. "Что? Кто плачет? Это ты шепчешь?"

Но нет, он все еще слышал голоса, они были хотя бы немного громче, их слова все еще были

неразличимы, но тон был четким. В них звучала мольба. Потерянный. Отчаяние.

"Они только и делают, что сидят, плачут и трогают. Трогают меня. Мне это не нравится, я хочу, чтобы они прекратили".

"Я не понимаю. Ты имеешь в виду свою семью?"

"Я пыталась попросить их остановиться, но они меня не слышат, никто меня не слышит. Кроме тебя. Ты можешь меня услышать. Ты можешь поговорить с ними за меня".

Это было неправильно. Это был не Джордж. Молодой человек перед ним был дешевой, изношенной версией того, кем он когда-то был, как будто его слишком долго болтало в кровавых морях войны, а потом выжали и повесили сушиться под палящим солнцем. Его кожа не имела цвета, глаза были лишены теплой искры жизни, и все же он был цел. Две руки, две ноги, два уха. Он не был Джорджем.

"Фред?"

Гарри сделал шаг вперед, а Фред - назад, в сторону от прикосновения своего юного друга.

"Я не хочу, чтобы ты меня трогал".

"Что? Почему?"

Беззлая улыбка скривила слишком бледные губы, что было далеко от обычной озорной ухмылки. "Мне больно смотреть на тебя. Жжет. Не хотелось бы узнать, каково это - прикасаться к тебе".

<http://tl.rulate.ru/book/98824/3356652>